

В. И. Даль и А. Ф. Погосский: ТОЧКИ СБЛИЖЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ («МАСТЕРОВОЙ ЧЕЛОВЕК НИГДЕ НЕ ПРОПАДЕТ» и «МАЙОРСКАЯ ДОЧКА»)

О. Р. Ростов

Аннотация: В произведениях «большой» литературы и беллетристике пореформенной поры основным персонажем стал простолюдин: крестьянин, мастеровой, солдат. Соответственно, критики задумались об адекватности их литературного отражения, о просветительской роли и адресате таких произведений. В связи с этим новый ракурс приобрели проблемы, связанные с понятиями «народная литература», «литература о народе и для народа», а также «солдатские писатели», «солдатская литература», «военная книга». В. И. Даль и А. Ф. Погосский тоже искали приемы и методы адекватного изображения простолюдина, определяли свои «подступы» к его душе, сердцу, разуму. Оба они так или иначе отождествляли себя и свое творчество для народа, в том числе и в военной шинели, с теми, кого в нем описывали и кому адресовали: заявляли об умении увидеть мир глазами простолюдина, говорить его языком, быть «своим» в солдатской среде. При этом современники видели и почти прямую связь Даля и Погосского — «военного Даля». В статье выявлены элементы сходства и различия в историях «двух Далей» о солдатах, обучившихся грамоте. Указано, что разность судеб этих персонажей обуславливает не только «случай», но и контекст «прежде и теперь», а также несходство просветительских приоритетов Даля и Погосского в части пользы/бесполезности грамотности для простолюдина.

Ключевые слова: Даль, Погосский как «военный Даль», грамотность/грамота, ремесло, «твердограмотный» солдат, народознание, произведения из народного быта, жанровые особенности.

Введение

1850–1870-е гг. в истории отечественной словесности — время, когда у большого числа писателей, по выражению К. С. Аксакова, «родилось желание изобразить

русского крестьянина во всем его великом человеческом достоинстве...»¹. При этом писателей-дворян стали теснить «господа и госпожи, которые ни по своему происхождению, ни по своему общественному положению не могли иметь никаких аристократических притязаний... это были мелкопоместные дворяне, чиновники невысокого полета, учителя, люди “вольных профессий” и т. п. Стали попадаться и купцы, и поповичи, и даже мещане; впустили и мужика, сперва, разумеется, переодетого, в костюме идиллического пастушка, а потом и запросто: в сером зипуне и лаптях, а то и на босу ногу»². Они усложнили жанровый ландшафт отечественной словесности «картинами» и «историями», «записками» и «заметками», «статьями» и «очерками» из народного быта. А критики той поры раздумывали, для чего назначено, кому предназначено это множество жанровых форм, порой объединяемых в «складчины» и «сорока», «беседы» и «чтения»; является ли эта литература подлинно народоведческой, может ли она решать насущные просветительские задачи, кто основной читатель столь разных и в стилистическом отношении произведений и т. д.

К писателям без «аристократических притязаний» можно причислить и В. И. Даля, и А. Ф. Погосского (Погоского). Интерес к Далю-писателю сегодня вполне устойчив и даже растет. Между тем обширное наследие Погосского мало изучено, почти нет современных переизданий, а изданное — библиографическая редкость. Советские ученые сочли его второстепенным беллетристом, автором псевдонародных беллетристических опусов³. Однако в 1860–1870-е гг. известность Погосского была велика, его считали даровитым писателем и даже крупным художником слова⁴. Ф. М. Достоевский выделял его книги как «довольно исключительное явление в нашей “народной литературе”»⁵. Н. А. Некрасов «с сочувствием относился к Погосскому как литератору и с самого начала разделял его представления о задачах литературы для народа»⁶. Н. С. Лесков писал, что «имя Александра Фомича Погосского является в самой главе солдатских писателей новой школы»⁷. Его издания использовал и Л. Н. Толстой при напи-

¹ Аксаков К. С. Обзорение современной литературы // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М., 1981. С. 224.

² Ткачев П. Н. Мужик в салонах русской беллетристики // Ткачев П. Н. Люди будущего и герои мещанства. М., 1986. С. 260.

³ Литературная энциклопедия: в 11 т. / гл. ред. А. В. Луначарский. М., 1935. Т. 9. Стб. 33–34; Базанов В. Г. От фольклора к народной книге. Л., 1973. С. 27. Внимание к Погосскому возвращается (см.: Лапунов С. В. Образ солдата в военной прозе А. Ф. Погосского // Наука — образованию, производству, экономике: материалы XXIII (70) Рег. науч.-практ. конф. преп., науч. сотрудников и асп.: в 2 т. Витебск, 2018. Т. 1. С. 171; Он же. Жанровое своеобразие военной прозы А. Ф. Погосского // Наука — образованию, производству, экономике: материалы XXI (68) Рег. науч.-практ. конф. преп., науч. сотрудников и асп.: в 2 т. Витебск, 2016. Т. 1. С. 133–134.

⁴ Литературное наследство / гл. ред. В. В. Виноградов. М., 1956. Т. 63. С. 673; Антология истории русской военной книги: сб. оригинальных соч. и ст. XIX — начала XX века / сост. С. Н. Лютов. Новосибирск, 2007. С. 136; Военная энциклопедия: в 18 т. / под ред. полк. В. Ф. Новицкого [и др.]. Т. 18. Пг., 1915. С. 482.

⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. XIX. Л., 1979. С. 21.

⁶ Макеев М. Литература для народа: протекция против спекуляции (к истории некрасовских «красных книжек») // НЛО. 2013. № 6 (124). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2013/6> (дата обращения: 10.02.2020).

⁷ Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. Т. 10. М., 1958. С. 235–236.

сании народных рассказов и педагогических статей⁸. Популярность у читателей, расположение критиков не раз характеризовали и творчество Даля (особенно в 1830-е и 1840-е гг.), но, как и Погосский, не минул он и противоположных оценок. При этом и Даль, и Погосский — в подлинном смысле писатели-труженики, народоведы-просветители — практики, а не теоретики. В «простых беседах», в походной жизни бок о бок с солдатами формировалось их видение того, «что нужно народу», определялись личные просветительские приоритеты. И тут можно видеть как общее, так и существенно различное: жизненный опыт у каждого был свой. Так, еще в 1847 г. Даль и Погосский, соответственно, в «статьях» «Мастеровой человек нигде не пропадет» и «Грамотность и ремесло» несходно высказались о солдатской грамотности. В широком плане это касалось и народной грамотности в целом. Обсуждение данной проблемы — одной из ключевых в до- и предреформенную пору — осталось актуально и для пореформенных лет. Причем антагонисты выявились еще «в старое время»: «...одни полагали, что грамотность — вещь очень полезная человеку и служит к его умственному совершенствованию. Другие думали, что грамотность есть чистый вред и служит окончательному мошенничеству»⁹. Соответственно обсуждались и издания для народного чтения — народные книги. В начале 1860-х дискуссия о народных книгах достигла наибольшей остроты¹⁰. На ее фоне Даль и переиздал «Солдатские досуги»¹¹. Возродив эту «складчину» в новую литературную пору, он как бы дал понять, во-первых, своим критикам 1850-х гг., что его народоведческие наблюдения 1840-х гг. все еще актуальны; во-вторых, что и предшествующий народопросветительский опыт в целом писателям 1860-х гг. отбрасывать тоже не следует. Включив же в «Досуги» историю о мытарствах Скандакова¹², Даль намекнул, что и теперь, как прежде, простолюдину-солдату ремесло мастерового житейски полезнее грамотности. Погосский, напротив, и в 1840-е, и в 1850-е, тем более в 1860-е гг. был убежденным сторонником безусловного и безоговорочного распространения в войске и в народе «твердой и правильной» грамотности. Начав размышлять о грамотности и главном солдатском ремесле-службе в заметке 1847 г., Погосский в 1860-е гг. развернул эти размышления в просветительно-образовательную концепцию. Полное сюжетно-художественное воплощение она нашла в 1869 г. в повести «Майорская дочка»¹³. Соответственно в ней показана совершенно иная, чем в далевском «Мастеровом человеке», судьба грамотного солдата. Частые в этой повести оговорки: «в малограмотное время», «в наше старое время», «прежние грамотеи», «по тогдашним понятиям»,

⁸ См.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М., 1928–1958. Т. 8. С. 571; Т. 21. С. 586, 619.

⁹ Погосский А. Ф. Майорская дочка: повесть А. Погоского. СПб., 1869 (далее также чит. это изд., если не оговорено иное).

¹⁰ Базанов. Указ. соч. С. 21.

¹¹ Об изданиях рассказов и сборника в 1840–1860-е гг. см.: В. И. Даль: Биография и творческое наследие: биобиблиогр. указ. / сост. Н. Л. Юган, К. Г. Тарасов; науч. ред. Р. Н. Клейменова; библиогр. ред. Л. М. Кулаева. М., 2012.

¹² Даль В. И. Мастерской человек нигде не пропадет // Даль В. И. Собр. соч.: в 8 т. М., 2017. Т. 5. С. 85–89 (далее чит. это изд., если не оговорено иное).

¹³ Погосский. Указ. соч.

«прежний солдатский быт» — маркеры контекста «прежде и теперь»¹⁴. В этой связи стоит осмыслить своеобразие художественного постижения Далем и Погосским народного представления о грамотности, выявить особенности изображения ими типа грамотного солдата-простолюдина, т. е. определить его место и время с учетом контекста «прежде и теперь».

1. Даль и «военный Даль»: о творческих созвучиях в народной прозе

Наверное, намеченное сближение писательских судеб и творчества Погосского и Даля легко и оспорить. Ведь параллели, пересечения, диалоги, созвучия и т. д. находят у Погосского с П. И. Мельниковым-Печерским, Л. Н. Толстым¹⁵, А. Н. Островским¹⁶, Н. С. Лесковым¹⁷ и др.¹⁸ Однако «военным Далем» называли именно Погосского. И эта почти прямая связь, быть может, иногда более достоверна, чем личное знакомство или переписка, ученичество или сотрудничество... Почему современники видели в Погосском Даля? Вряд ли причиной был его «Словарь иностранных слов военного значения, принятых в русском языке»: он несопоставим с «Толковым словарем живого великорусского языка» ни по объему, ни по содержанию, ни по культурно-исторической значимости.

Первая примета типологического сближения Даля и Погосского — стиль с любовью к народному слову. Один из биографов Погосского писал, что «совершенство в уменьи обращаться с... кладезем народной речи снискало ему вполне заслуженное прозвище “военного Даля”»¹⁹. Далевским эхом звучат характеристики идиолекта Погосского: «блестящий, живой, как живая речь, колоритный, не сочиненный, а у народа подслушанный»²⁰. Корни этой созвучности — в по-

¹⁴ Данный контекст важен не только для Погосского («Солдатский быт прежде и теперь»), но также, например, и для С. В. Максимова («Крестьянский быт прежде и теперь»).

¹⁵ Энгельгардт Н. История русской литературы XIX столетия. Т. 2. 1850–1900. СПб., 1903. С. 348; Березовская В. В. Традиции Л. Толстого в произведениях второй половины XIX в. о Крымской войне // Толстовский сборник. Вып. 5: докл. и сообщ. XII Толстовских чтений. Тула, 1975. С. 153; Рассказы о Севастопольской обороне гр. Л. Н. Толстого. СПб., 1899 (дополненные «извлечениями из сочинения А. Погосского»: писатели — солетописцы повести о «Севастопольском сидении»).

¹⁶ См.: Бобякова И. В. Домовой как персонаж русской литературы: генезис, структура, функции: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2017. С. 127–131; Лесков. Указ. соч. С. 235–236.

¹⁷ См.: Данилова Н. Ю. Диалог «своего» и «чужого» в художественном мире Н. С. Лескова (на материале произведений 1860–1880-х гг. об иностранцах и инородцах): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011.

¹⁸ См.: Малышев А. А. Художественная баталистика в русской литературе второй половины XIX века (кампании 1853–1856 и 1877–1878 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006.

¹⁹ Кубасов И. А. Александр Фомич Погоский: опыт характеристики. СПб., 1903. С. 8. Образцы стилистически необработанной солдатской речи у Погосского были «ценными источниками» для Лескова (см.: Данилова. Указ. соч. С. 15–16).

²⁰ Военная энциклопедия... С. 483. Погосского «...должно поставить рядом с Печерским и Островским по богатству чисто народного, колоритного, согретого неподражаемым юмором языка» (Энгельгардт. Указ. соч. С. 348). Были и другие, в том числе противоречивые, оценки: например, Д. И. Писарева («Московские мыслители», «Народные книжки», 1861). В наши

нимании родного языка, и оно у писателей было достаточно близко. Даль всегда стоял за «русский склад и оборот речи», за творческий «простор и раздолье в своем, коренном русле»²¹. И Погосский убежден, что «настоящий, чистый родной язык наш внятен, звонок, тверд; есть в нем *все слова*, потребные для выражения какой угодно мысли. Слова эти понятны каждому, даже безграмотному, русскому человеку. Следовательно... лучше говорить просто и разумно по-русски... надо держаться родной простоты и ясности»²².

Вторая примета — сходство их мировидения. Даль в 1840–1860 гг. «окончательно отождествляет себя лично и свою судьбу с народным мировосприятием»²³. Погосский тоже «почти весь доступен и интересен массе, и не одному войску, но и крестьянству»²⁴. При этом он то надевает *духовные очки*²⁵ простолюдина, проникается его думами, мировидением, то говорит, поучая народ²⁶. Однако «оба Даля»²⁷ убеждены: чтобы со знанием дела говорить о мужике (в том числе в военной шинели), надо пожить с ним рядом, необходимо заслужить такое доверие простолюдина, чтобы он принял написанное о нем и для него, признав автора «своим» — боевым товарищем, братом-солдатом: «...вот вам, ребята, книжка, которая написана неспроста, а с молитвою... писана для солдат, и похвалюсь, писана таким, который сам сживал с вами за огоньком, пил из одной с вами манерки, ел казенные сухари и видел солдата не только в казарме да на ученье, а видел его и в чистом поле... и найдете вы в книжице этой не одну сушь нагольную, не одну правду простоволосую, а складчину всякого добра...» (Даль в «Вступлении к изданию») ²⁸; «Восемь лет служил я нижним воинским чином и жил с народом, много почтенных и любезных людей коротко знал я в этой трудящейся среде... Примите, братья, писание, так как оно написано от чистого сердца» (Погосский в «Слове читателей») ²⁹. В этом можно видеть и общий ответ Даля и Погосского тем критикам, которые «толковали о перспективах и ограничениях жанра “рассказов из простонародного быта”», заявляли о «невозможности адекватного и психологически и культурно убедительного отображения крестьянского мирозерцания» ³⁰. Для «обоих Далей» жизнь простолюдина вовсе не была «неведомым миром»: изучали они ее не в тиши уютных кабинетов, а знали не понаслышке, наблюдали ее своими глазами и описывали не с чужого

дни отмечается, что произведения Погосского «...отличаются теплотой тона... однако им свойственна некоторая сентиментальность» (Святая Русь. Большая энциклопедия Русского народа. Русская литература / гл. ред., сост. О. А. Платонов. М., 2004. С. 782).

²¹ Даль. Собр. соч. Т. 8. С. 540, 566.

²² Погосский А. Ф. Солдатский быт прежде и теперь А. Погоского. 2-е изд. СПб., 1872. С. 67–68.

²³ Фесенко Ю. П. Проза В. И. Даля. Творческая эволюция. Луганск; СПб., 1999 С. 165.

²⁴ Кубасов. Указ. соч. С. 19.

²⁵ Термин И. А. Ильина (см.: Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1997. Т. 6. Кн. 3. С. 308).

²⁶ См.: Кубасов. Указ. соч. С. 20.

²⁷ Даже при том, что Погосский — писатель «по преимуществу дидактический» (Там же).

²⁸ Вступление к изданию. URL: <http://web.petrus.ru/~dahl/html/pdf/VST42.pdf> (дата обращения: 25.12.2019).

²⁹ Цит. по: Энгельгардт. Указ. соч. С. 348.

³⁰ Вдовин А. «Неведомый мир»: русская и европейская эстетика и проблема репрезентации крестьян в литературе середины XIX века // НЛЮ. 2016. № 5 (141). С. 288, 290.

слова — сами ею и проживали. «С солдатами и сам солдатеешь», — отмечал, например, Даль в словаре³¹.

При этом вряд ли даже в 1860-е гг. Даль и Погосский знали друг друга лично, нет упоминаний о «военном Дале» ни среди писателей «школы Даля», ни среди представителей «этнографического направления». А вот «познакомиться и поговорить произведениями» они вполне могли. В 1847 г. в первых выпусках журнала «Чтение для солдат» появились «Знание и ремесло» Погосского (№ 1)³² и серия заметок Даля, в том числе и первая публикация «Мастерского человека» (№ 2)³³. Эти статьи-произведения диалогически связаны высказываниями авторов о том, что важнее для солдата: грамотность или ремесло, и какое ремесло солдату нужнее, какое — самое главное. Как видим, размышления Погосского Даль подхватил уже в следующем выпуске журнала³⁴. При этом саму проблему Даль художественно осмыслил и паремиологически: до предела, который отмечает, с одной стороны, паремия *кто грамоте горазд, тому не пропасть*, а с другой — *с ремеслом не пропадешь*. Заголовок далеvской народной истории — прямой намек на последнюю житейскую мудрость. Она развернута автором в народный сюжет и обоснована судьбами главных персонажей-солдат: неудачами и мытарствами «грамотея» Скандакова и жизнью «не хуже немца» мастерского Жерехова³⁵. Соответственно, Погосский всегда утверждал правоту первой народной мудрости, считая, в частности, что «твердая и правильная грамотность» ускоряет практическую выучку и обеспечивает личностный рост³⁶, а главным солдатским ремеслом считал службу. В полной же мере свой идеал «военный Даль» смог обосновать в «Майорской дочке» — в истории жизни и образе грамотного солдата Ильи Борисова. Ранний сюжет этой повести (I–VIII) завязывается в «старое время» (весной 1846 г.), к нему отнесено и начало (IX) второй части (весной 1853 г.). В «Мастеровом человеке» нет датировок, но, судя по годам публикаций (1847, 1861), Даль имел в виду примерно ту же эпоху. При этом Погосский видит описываемое уже и глазами шестидесятника, соотнося «прежде и теперь»; Даль и в 1861 г. остается на своей позиции 1840–1850-х гг.

2. Грамотеи в войске: «прежде и теперь»

Итак, содержательное сближение/расхождение между «Майорской дочкой» и «Мастеровым человеком» можно увидеть сквозь судьбы главных персонажей,

³¹ Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2002. Т. 4. С. 265.

³² Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь / гл. ред. П. А. Николаев. М., 2007. Т. 5: П–С. С. 10.

³³ Даль: Биография и творческое наследие... С. 219.

³⁴ В середине 1850-х гг. Погосский помещает «Знание и ремесло» в цикл «Солдатские заметки» (см.: Погосский А. Ф. Солдатские заметки: соч. А. Погоского. СПб., 1855. С. 23–25), Даль в начале 1860-х гг. публикует «Мастерского человека» в «Солдатских досугах».

³⁵ Подробнее: Ростов О. Р., Тамаев П. М. Пословица не на ветер молвится: народный рассказ В. И. Даля «Мастеровой человек нигде не пропадет» в зеркале русских паремий и «Толкового словаря живого великорусского языка» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6. № 3. С. 128–141. doi: 10.22250/24107190_2020_6_3_128_141. При этом Даль от души радовался открытию народных школ (см.: Даль. Собр. соч. Т. 1. С. 63).

³⁶ Погосский. Солдатский быт прежде и теперь... С. 66.

солдат-«грамотеев» Ильи Борисова и Скандакова: один стал георгиевским кавалером, боевым офицером, счастливым семьянином, другой едва не умер с голоду в одиночестве на чужбине и выжил лишь благодаря помощи друга Жерехова — «столярного мастера не хуже немца». Немало общего между Скандаковым и Борисовым в начале повествований Даля и Погосского: они оба очень молоды, начинают службу. Далеv Скандаков представлен добрым, хорошим, «парнем ретивым» и солдатом, стремящимся быть первым по службе: «за это любили его и начальники». У Погосского 18-летний Борисов «имел мягкое сердце и приятный, услужливый нрав», службу исполнял проворно, с большим, до горячности, усердием, «все в роте любили его», «понравился Борисов и поручику». При этом и далеvский «военный кантонист», и «рекрутик» Погосского — люди как бы *бессноровочные*. Но более важно, пожалуй, что оба они не чужды юношеской мечтательности. Мечта, воображаемый образ своего светлого будущего, и стала толчком для обоих в желании учиться грамоте.

Это верно прежде всего для Скандакова, хотя мечта кантониста сугубо практическая: он надеялся попасть на службу в писари. Это не выходило за круг жизни его сословия, и ему в общем справедливо думалось, что, обучившись письму, он легко достигнет своей нехитрой цели. Наверное, так бы и стало, «кабы судьба ему не поперечила». У Ильи Борисова, напротив, поначалу не было ясной цели и четкого образа будущего. Лишь шевелились в его голове «кой-какие безотчетные ожидания; понемногу додумался он до той истины, что нельзя же, дескать, так оставаться на свете, помышляя только о том, как бы поесть поплотнее да выспаться.... Запала ему в голову счастливая мысль — как бы поучиться чему-нибудь, как бы пообразоваться маленько».

Между тем Скандаков, готовясь в писари, хотя и учился хорошо, о самообразовании и личностном своем развитии не мыслил, а «все доброе чаял от письма своего». Именно поэтому «грамотей»-кантонист, когда из-за пустячной болячки «остался без пальца, то есть не мог свободно владеть им, не мог и писать», тяжело переживал крах этой своей мечты, поэтому он, уже будучи солдатом, раз за разом терпел досадные личные неудачи, а в отставке и вовсе «пригорюнился крепко»: не знал, «что начать, куда деваться, а хлеб и одежду заработать надо». История жизни далеvского «грамотея в войске» — это своего рода антитеза паремии *кто грамоте горазд, тому не пропасть*³⁷. С другой стороны, так ли уж и Скандаков был горазд грамоте, если знал лишь одно ее применение — письмо? Однако здесь надо учесть, что «в прежнее время... и в войске, и народе грамотеев было очень мало»³⁸, значит, и примеры соответствующего зарабатывания на жизнь могли быть тоже крайне редкими. Вот почему сам Скандаков, глядя на товарищей, лишь убеждался в правоте своего майоракмбата и, особенно, друга Жерехова, советовавших ему учиться не одной грамоте, а освоить еще и ремесло мастерового; вспомним, что и несостоявшийся тесть далеvского *бессноровочного грамотея* в женихи дочери предпочел не его,

³⁷ Даль. Толковый словарь... Т. 1. С. 377.

³⁸ Погосский. Солдатский быт прежде и теперь... С. 61.

а солдата-сапожника³⁹. Словом, увидеть другие возможности для приложения своей грамотности к делу Скандакову мог бы помочь разве что случай, но он ему — «грамотею прежнего времени», замкнутому в своем сословии и повседневности, — не представился.

Вроде бы «грамотеем прежнего времени» надо считать и Илью Борисова. Однако по сути «твердограмотный» солдат у «военного Даля» — духовно уже человек будущего, разночинец 1860-х гг. С самого начала Погосский, в отличие от Даля, помещает своего персонажа в другие условия, снимает многие сословные барьеры... Для 1840—1850-х гг. (реальное время повести) это можно было мотивировать в основном случайностью, но согласимся с Погосским: случай порой и в самом деле играет в жизни конкретных людей определяющую роль. Произошло это и в жизни «крестьянского мальчишки» и «темного рекрутика» Борисова, который, однажды случайно оказавшись там, куда «еще ни одному солдатику не удалось заглянуть», вошел в иной круг общения — в преддверье своей «новой жизни». Другое дело, что в реальное, а не книжное «старое время» даже и «минутная встреча» крестьянского необразованного мальчишки с маленькой барышней Женей — первой учительницей Ильи — была бы практически невероятна. Но вот, по воле автора, Женя и Илья обратили друг на друга внимание, пусть и при забавно-комических обстоятельствах; вот ее няне Климовне «...вынь да положь захотелось... поглядеть, что это за солдат такой? Не похож ли, чего доброго, на племянника моего, гвардейца?»; вот она, «добрая привередливая», прониклась к парню симпатией, оказала протекцию; вот Илья уже и приглашен «почтенной старушкой» не только на кофе и разговор, но и на чтение Евангелия. Тогда-то Женя в ответ на теплую благодарность Борисова и начала с ним заниматься. И этот «дурачок мальчишка», «совсем дурачок», «одно слово — пень» умнел «не по дням, а по часам» и закладывал основу своего нового будущего. И если в начале повести Илья — «темный рекрутик» с неразвитым умом, «сын не богатых и безграмотных пахарей», то несколькими страницами ниже он уже Илья Борисович — «твердограмотный» и уважаемый в роте ефрейтор, унтер-офицер и фельдфебель, продолжающий самообразовываться и личностно развиваться, в итоге достигший офицерского чина.

Таким образом, в лице Борисова перед нами совершенно иной тип «грамотея в войске», тот который хотел видеть среди солдат Погосский в 1860—1870-е гг.

Между тем и Далю солдат, выслужившийся из рядовых, тем более ставший по заслугам офицером, был всегда близок и симпатичен. В «Досугах» на этот лад он в духе народно-христианской аксиологии требовательно настраивал новобранцев: «Ты червь, былинка, выслужишь верой и правдой, окупи душу свою, скажись сам человеком — будет тебе почет и здесь и там...»⁴⁰. Только вот грамотность Даль не считал таким уж обязательным и необходимым подспорьем для продвижения солдата по службе...

³⁹ В «Майорской дочке» тоже отмечается, что занятия грамотой «по тогдашним понятиям... считались не более, как позволительным, хотя и не совсем надобным баловством».

⁴⁰ Даль. Собр. соч. Т. 5. С. 102.

3. «Нужно для народа чтение...»⁴¹ / «...необходима твердая и правильная грамотность»⁴²

Вопрос о пользе народной грамотности Даль ставил в зависимость от наличия и доступности соответствующей литературы, поскольку считал, что «грамотность более относится к чтению». Однако та литература, которая предлагалась как «народная», его не устраивала: «мало ли что начитывается народом в глупых книжонках», «понатрубили в уши народу всякого вздору», «попереглядел я все книжки, путного тут мало»⁴³. Поэтому, считал Даль, прежде чем массово обучать крестьян и солдат грамоте, «необходимо заготовить книги, да чтоб эти книги хоть бы были и не складны письмом, да были бы складны смыслом... А без них какой прок в грамоте? Разве что в кабаках фальшивые паспорта писать?»⁴⁴. Вот, к слову, и участь, которая, по Далю, ждала бы и Скандакова после выхода в отставку, если бы стать писарем кантонисту-грамотею не помешали «волос», «ноготед», «костоед». Такого куса хлеба для своего персонажа Даль тем более не хотел: это неминуемо влекло бы нравственную деградацию и духовную смерть Скандакова, что гораздо страшнее смерти физической.

Проблемы, которые ставил Даль, признавал и Погосский⁴⁵. Но вопрос, «...что будет читать народ, обучившийся грамоте? готовы ли для него книги?»⁴⁶, был для него не столь острым. В «Майорской дочке» соответственно читаем: «В доме была богатая библиотека... Знай читай, да набивай молодые головы добрым запасом всякого знания. Все пригодится в свое время: еще никто не жаловался на то, что *много* знает; а о том, что *мало* знает, не раз люди даже плакивали очень горько». Однако и Погосского тревожило, что, выучившись грамоте, простолюдин «кидался на книги... занимательные... но “не про нас писанные”... затверживал, как сорока, слова... и, не понимая смысла этих слов, пестрил ими свою искаженную речь. Боже избави от такой грамотности и от такого красноречия и образования!»⁴⁷. «Военный Даль» был против «тупого умения читать и писать, не служащего развитию», считал это «бесплодным и вредным» упражнением, но настаивал на «твердой и правильной грамотности», полагая, что «только она ведет к правильному образованию»⁴⁸. В просветительской методике Погосского важную роль играло руководство чтением простолюдина, а обучение строилось как сотрудничество учителя и ученика. Этот подход и отражен в «Майорской дочке». Важным залогом успеха в данном случае стали крепкая нравственная основа и Жени, и Борисова, а также установившаяся бескорыстно-чистая духовная связь между ними: «чистое, взаимное чувство

⁴¹ Даль. Собр. соч. Т. 1. С. 63.

⁴² Погосский. Солдатский быт прежде и теперь... С. 66.

⁴³ Даль. Толковый словарь... Т. 2. С. 295, 497; Т. 3. С. 284, 298; см. также: Даль. Собр. соч. Т. 1. С. 64.

⁴⁴ Даль. Собр. соч. Т. 1. С. 63.

⁴⁵ Погосский. О грамотности в войсках // Антология истории русской военной книги... С. 160–165.

⁴⁶ Даль. Собр. соч. Т. 1. С. 63.

⁴⁷ Погосский. Солдатский быт прежде и теперь... С. 67.

⁴⁸ Погосский. Указ. соч. С. 158; Погосский. Солдатский быт прежде и теперь... С. 67.

случайно сблизило барышню с нашим солдатом. Как все чистое и свободное — оно, естественно, росло и усиливалось — и в детской прекрасной душе ребенка, и в мягком неиспорченном сердце неразвитого и покорного мальчишки. Такое ученье не могло быть бесплодно».

4. «Своим умом живи, а добрыми советами не пренебрегай»⁴⁹

Житейско-нравственные императивы и ценности издревле закреплялись простонародьем, в частности, в пословицах и поговорках — паремиях⁵⁰. И в XIX в. для простолюдина, в том числе и в военной шинели, они были важной частью «опыта» и «завета» отцов. Даль это понимал и учитывал. Соответственно, многие сюжетные линии, коллизии его народных историй напрямую соотносятся с теми или иными паремиями, «Мастеровой человек» тоже не исключение⁵¹. Пословица, вынесенная в заголовок подраздела, — одна из ключевых для оценки того, почему «судьба поперечила» «грамотею» Скандакову. Вспомним, что в юности, строя планы своего писарского будущего, он учитывал только первую часть паремии, т. е. жил своим умом, а к советам друга Жерехова и майора-командира («старшего», «отца-командира») самонадеянно не прислушивался, более того — отговаривался от них, пренебрегал. Такое поведение было неприемлемо и с точки зрения традиционной народно-христианской аксиологии: считалось, что тех, «кто... совету добрых людей и наставлениям не вникает по-божески... не помилует Бог»⁵². «Власть Господня» не миловала Скандакова, пока он не «познал на себе, как он был за себя виноват», и не признал свою главную ошибку: самоуверенное пренебрежение «добрым советом».

Илью же Борисова в самонадеянности не заподозрить. А потому и был он из тех, «кого судьба учнет баловать, тому все в руку: что ни задумает, все исполняется». Он и своим умом жил, и к советам прислушивался, и к старшим проявлял почтение. Так, прежде чем начать учиться, он поговорил с теми, кому верил без всяких рассуждений: с «прежним дядькой» ефрейтором Онуфрием Ткаченко, денщиком Петровичем и поручиком Сухаревым. И это не просто субординация (вряд ли она выработана у «рекрута почти»), а внушенные с детства правила поведения⁵³. Прямо поддержал Борисова лишь поручик. Осторожный

⁴⁹ Даль. Толковый словарь... Т. 3. С. 394.

⁵⁰ См. например: Батулина А. В. Представление ценностной картины мира русского народа в пословицах, поговорках и пословично-поговорочных выражениях // Вестник Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. 2007. № 44. С. 59; Гречановская А. А., Крутых Е. В. Житейская психология: русский менталитет в пословицах // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 6-1. С. 37; Нелюбова Н. Ю., Хильтбруннер В. И., Ершов В. И. Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 1. С. 223–243. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243.

⁵¹ Подробнее: Ростов, Тамаев. Указ. соч.

⁵² Домострой: сборник / сост., пер., подгот. текстов, вступ. ст. В. Колесова. М., 2009. С. 234–235.

⁵³ «Тем, кто старше тебя, честь воздавай и кланяйся»; следует «к старшим быть послушным и покорным» (Там же. С. 192, 227). Илья «был сын добрых и честных родителей... Выросший в добродушной и любящейся семье, привыкший видеть в ней пример честного труда,

Ткаченко посоветовал Илье прежде подумать, почему «фельдфебель у нас грамотный — по всем частям молодец и отменный начальник; и писарь еще лучше грамотей, а без дули на лбу либо на носу, чай, никто и не видал его — и через день под присмотром». Иными словами, «дядька» показал «бывшему племяншу», что грамотность не всем на пользу. Поэтому учиться нужно только, «коли смелость имеешь!», если уверен, что не пошатнешься: «отчего и не потешиться, пока ты справен по службе и ловок по фронту». Суровый денщик предупредил Борисова об ответственности грамотного в делах, которая останется с ним на всю жизнь, поскольку «разучиться уж нельзя: так и помирай с грамотой своей». Все предостережения «дядек» Ильа учел.

5. «Величайшее и нужнейшее знание — служба»

Погосский, ратуя за «грамотность в войсках», прежде всего заботился о том, чтобы солдат был должным образом подготовлен к несению службы, собственно к тому, чтобы быть солдатом. Еще в ранней заметке «Знание и ремесло» он советовал солдату: «...держишь одного знания, ремесла, мастерства — ефрейторского; съешь собаку целиком по фронтовой части, да постарайся и о грамоте... а как дастся тебе при фронте да грамота, так ты на службе золотой человек»⁵⁴. Тем более в 1860-е гг., после Крыма и Севастополя, он видел, что старый подход «на службе, известно, не пропадешь: государь кормит» изжил себя, что «...с усовершенствованием военного дела еще шире и разнообразнее требуется умение и знание от каждого солдата». Отслужив нижним воинским чином в «старое время», Погосский знал, что добыча их горьким опытом занимала годы. Реальным средством быстро обучить массы солдат, да порой и унтеров и фельдфебелей, «понимать все тонкие свойства верно стреляющего оружия... уметь обращаться с ним искусно и бережно; ходить, бегать, а при нужде и скакать искусно, соображать все встречающиеся в бою обстоятельства»⁵⁵ была грамотность.

Надо сказать, что Крымская война и Севастопольская оборона проходят красной нитью в наследии Погосского. Но 7-я мушкетерская рота, где служит теперь уже не темный рекрутик, а «твердограмотный» и продолжающий самообразовываться унтер-офицер и фельдфебель Ильа Борисов, участвует в боях и походах с конца 1840-х гг. Понятно, что Погосский в «Майорской дочке» следует за событиями эпохи. Но главное, что в обстановке войны лучше видна зрелость солдата-грамотея, и не только его боевых, но и моральных качеств. И на войне Ильа проявляет себя тоже наилучшим образом. Так, «в деле на р. Сучане в селении Мартоне... перед глазами начальства Борисов отличился храбростию и замечательною распорядительностию».

Свой главный подвиг, подвиг самопожертвования Ильа совершил на бастионах Севастополя. Нужно сказать, что до Севастополя в нем еще бурлил юношеский боевой задор, порой переходящий в пусть, наверное, и не скандаковскую,

он, разумеется, и на службу принес с собой все, что усвоил дома: мягкость характера, повинование, усердие и честность».

⁵⁴ Погосский. Солдатские заметки... С. 24.

⁵⁵ Он же. Солдатский быт прежде и теперь... С. 61.

но ретивость: «Нет! не улежу — по первому выстрелу буду у своих!». Став кандидатом на «первый крест по полку на следующий раз», каждое сражение Борисов ждал как случай отличиться, переживал, что из-за ранения это откладывается. В Севастополе Илья иначе оценивает свое военное бытие, осознает, что он и его товарищи должны встроиться здесь в общее солдатское дело с другими защитниками города, в повседневную работу, большую и малую, совершаемую, что называется, артельно и многими: «“Поработаем и мы!” — думал он, засыпая поздно ночью под стенкой бастиона, в кругу своей роты». Перед нами зрелый воин, для которого «первое знание и первое ремесло — служба». В понимании Погосского это и есть «истинный солдат, полезный престолу и отечеству, следовательно, человек, угодный Богу; потому что человек, у которого нет никакого знания или ремесла, не благословен Господом»⁵⁶. С последним замечанием, вероятно, согласился бы и Даль... А «военный Даль» солдатскую, воинскую зрелость Борисова видит еще и в его сознательном отношении к службе как долгу, выполняемому с пониманием его нравственного смысла. Сам Погосский был убежден, что «служба Богу, царю и отечеству есть священный долг каждого гражданина»⁵⁷. Сознательное отношение к службе внушает в «Досугах» солдатам и Даль⁵⁸. Однако если для Погосского «твердая и правильная грамотность» — универсальное средство, которое ускоряет и военно-практическую выучку солдат, и формирование у них сознательного отношения к службе, когда «каждый отвечает честью и совестью своей за свою нравственность и свою дисциплину», то Даль, считая, что «низшие слои народа, умственно, конечно ниже, а нравственно, нередко выше нас»⁵⁹, настаивал, что настоящего солдата воспитывают прежде всего само «солдатское братство» и «отцы-командиры». Так что и здесь тоже Даль не видел особой пользы солдатам от грамотности...

Заключение

Мы попытались определить некоторые точки, сближающие творчество В. И. Даля и А. Ф. Погосского — «военного Даля». В отечественной словесности 1840—1860-х гг. «оба Даля» явили себя как незаурядные личности и в определенные моменты играли заметную роль, прежде всего как народоведы и просветители, создатели многочисленных произведений из народной жизни, в том числе

⁵⁶ Погосский. Солдатские заметки... С. 24.

⁵⁷ Он же. Солдатский быт прежде и теперь... С. 12. В контексте «прежде и теперь» примечательно, что не только Илье, но и его товарищам в Севастополе, чтобы понять и выполнить свой солдатский долг по защите Отечества, не требуется «прежней древесной опеки» (так «военный Даль» называет телесные наказания, которые широко применялись в «прежнее время» и были отменены в 1860-е гг. [«теперь»]) (Там же. С. 64).

⁵⁸ Далевский солдат знает «что такое Отчизна», имеет понятие о долге, «честь и бесчестье», об ответственности перед Богом и государем и т. п. При этом такие оговорки Даля, как: «Военная честь: слушаться начальника... служить строго... а о прочем не заботиться; на то Бог, государь и справедливое начальство»; «первая доблесть военная — это слепое, безответное послушание... без думы, без оглядки...» (Даль. Собр. соч. Т. 5. С. 23, 91), не означают противоречия с сознательным отношением к службе: солдат Даля четко знает и то, почему в армии никак не обойтись без «повиновения начальству».

⁵⁹ Даль. Толковый словарь... Т. 2. С. 545.

из военного быта простолюдинов, считались знатоками «народного способа жизни», ценителями живого русского слова. При этом далевское народопросвещение было направлено на то, чтобы «соединить “родимое” и “привитое”», а потому затрагивало и европейски образованные слои русского общества»⁶⁰. Погосский практически всего себя отдал на службу солдатскому просвещению. Глядя на проблемы просвещения крестьянских и солдатских масс во многом, по сути, сходно, Даль и Погосский расходились в частности. Так, оба признавали, что грамотность — не цель, а средство к просвещению простонародья, но первый выступал «против грамотности *без чтения*» и отдавал приоритет ремесленному обучению, в том числе и солдат, второй же считал, что «когда большинство выучится само читать книги, т. е. когда будет грамотно, тогда и книги явятся»⁶¹, иными словами, выступал за безусловное распространение «грамотности в войсках».

Данная тема возникает в творчестве Даля и Погосского практически одновременно, в их публикациях 1847 г. в «Чтении для солдат». Причем Даль сразу создает свой образ солдата-«грамотея» без ремесла Скандакова, описывает его мытарства и неудачи, как бы доказывая, что *аз да буки не избавят от муки*⁶², противопоставляет «бедному Скандакову» живущего «не хуже немца» солдата-мастерового Жерехова. Погосский же в это время лишь намечает свой идеал. Но уже тогда для «военного Даля» грамотность важнее, ценнее: грамотный солдат — «золотой человек» для армии. Законченный же, целостный образ солдата-«грамотея» нового типа «военный Даль» представил в лице Ильи Борисова — главного персонажа повести «Майорская дочка». При этом оба далевских персонажа, Скандаков и Жерехов, во всем остаются в кругу «прежнего» солдатского быта, Илья же Борисов у Погосского — по сути, человек другой эпохи, времени реформ императора Александра II.

Даль, как писатель для народа, оставался в пореформенную эпоху проповедником нравственности, потому и солдатам он предоставляет читать нравоучительную «скадчину всякого добра», а в начале 1860-х гг. задумывает в своих будущих книгах для них «пройти всю Библию»⁶³. Погосский же считал, что новое время предъявляет к литературе для народа иные требования, поэтому далевское повествование в духе народных пословиц он не совсем принимает. К тому же ему интереснее показать не счастливого и обеспеченного обывателя типа далевского Жерехова, а историю личностного и профессионального самовозрастания, просвещения солдата.

В целом Даль и Погосский, сосредоточившись на судьбах русских простолюдинов-солдат, показали их в ситуациях личного выбора, обыденно-житейского и, что характерно для народной прозы, морально-нравственного самоопределения. При этом «оба Даля» избегают прямых обличений ошибок и пороков; нет у них и нарочитого восхищения достоинствами персонажей, но видно бережное отношение к живой душе русского простолюдина, несомненен чуткий интерес к его телесному быту и духовному бытию. Народная история Даля и повесть По-

⁶⁰ Ростов, Тамаев. Указ. соч. С. 129.

⁶¹ Даль. Собр. соч. Т. I. С. 64; Погосский. Указ. соч. С. 163.

⁶² Даль. Толковый словарь... Т. I. С. 1.

⁶³ Даль. Собр. соч. Т. I. С. 64.

госского оканчиваются в оптимистическом духе фольклорно-сказочной прозы — счастливыми для персонажей встречами. В случае Скандакова — это встреча-спасение его как человека, понявшего «как он был за себя виноват». В случае Борисова и Жени — это соединение в любви, но и награда за их нравственную чистоту и стойкость, а кроме того, соответственно, за долгую благодарную память и верность и за бескорыстное подвижничество, сострадание и помощь ближнему в его саморазвитии. Таким образом, финалы повествований утверждают основные приоритеты народной этики, движение к ладу и гармонии бытия.

Список литературы

- Антология истории русской военной книги: сб. оригинальных соч. и статей XIX — начала XX века / сост. С. Н. Лютов. Новосибирск, 2007.
- Базанов В. Г. От фольклора к народной книге. Л., 1973.
- Батулина А. В. Представление ценностной картины мира русского народа в пословицах, поговорках и пословично-поговорочных выражениях // Вестник Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. 2007. № 44. С. 59–61.
- Березовская В. В. Традиции Л. Толстого в произведениях второй половины XIX в. о Крымской войне // Толстовский сборник. Вып. 5: Докл. и сообщ. XII Толстовских чтений. Тула, 1975.
- Бобякова И. В. Домовой как персонаж русской литературы: генезис, структура, функции: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2017.
- В. И. Даль: Биография и творческое наследие: биобиблиогр. указ. / сост. Н. Л. Юган, К. Г. Тарасов; науч. ред. Р. Н. Клеймёнова; библиогр. ред. Л. М. Кулаева. М., 2012.
- Вдовин А. «Неведомый мир»: русская и европейская эстетика и проблема репрезентации крестьян в литературе середины XIX века // НЛО. 2016. № 5 (141). С. 287–315.
- Военная энциклопедия: в 18 т. / под ред. полк. В. Ф. Новицкого [и др.]. Пг., 1915. Т. 18.
- Вступление к изданию. URL: <http://web.petrsu.ru/~dahl/html/pdf/VST42.pdf> (дата обращения: 25.12.2019).
- Гречановская А. А., Крутых Е. В. Житейская психология: русский менталитет в пословицах // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 6-1. С. 37–38.
- Даль В. И. Собр. соч.: в 8 т. М., 2017.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2002.
- Данилова Н. Ю. Диалог «своего» и «чужого» в художественном мире Н. С. Лескова (на материале произведений 1860–1880-х гг. об иностранцах и инородцах): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011.
- Домострой: сборник / сост., пер., подгот. текстов, вступ. ст. В. Колесова. М., 2009.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. XIX. Л., 1979.
- Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. Кн. 3. М., 1997.
- Кубасов И. А. Александр Фомич Погосский: опыт характеристики. СПб., 1903.
- Лапунов С. В. Образ солдата в военной прозе А. Ф. Погосского // Наука — образованию, производству, экономике: материалы XXIII (70) Рег. науч.-практ. конф. преп., науч. сотрудников и асп.: в 2 т. Витебск, 2018. Т. 1.
- Лапунов С. В. Жанровое своеобразие военной прозы А. Ф. Погосского // Наука — образованию, производству, экономике: материалы XXI (68) Рег. науч.-практ. конф. преп., науч. сотрудников и асп.: в 2 т. Витебск, 2016. Т. 1.
- Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. Т. 10. М., 1958.
- Литературная энциклопедия: в 11 т. / гл. ред. А. В. Луначарский. Т. 9. М., 1935.

- Литературное наследство / гл. ред. В. В. Виноградов. М., 1956. Т. 63.
- Макеев М. Литература для народа: протекция против спекуляции (к истории некрасовских «красных книжек») // НЛО. 2013. № 6 (124). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2013/6> (дата обращения: 10.02.2020).
- Малышев А. А. Художественная баталистика в русской литературе второй половины XIX века (кампании 1853–1856 и 1877–1878 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006.
- Нелюбова Н. Ю., Хильтбруннер В. И., Ершов В. И. Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 1. С. 223–243. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243.
- Погоский А. О грамотности в войсках // Антология истории русской военной книги: сб. оригинальных соч. и ст. XIX — начала XX века / сост. С. Н. Лютов. Новосибирск, 2007.
- Погосский А. Ф. Майорская дочка: повесть А. Погоского. СПб., 1869.
- Погосский А. Ф. Солдатский быт прежде и теперь: соч. А. Погоского. 2-е изд. СПб., 1872.
- Погосский А. Ф. Солдатские заметки: соч. А. Погоского. СПб., 1855.
- Путилина С. В. В. И. Даль как литератор: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Рассказы о Севастопольской обороне гр. Л. Н. Толстого. СПб., 1899.
- Ростов О. Р., Тамаев П. М. Пословица не на ветер молвится: народный рассказ В. И. Даля «Мастеровой человек нигде не пропадет» в зеркале русских паремий и «Толкового словаря живого великорусского языка» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6. № 3. С. 128–141. doi: 10.22250/24107190_2020_6_3_128_141.
- Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь / гл. ред. П. А. Николаев. М., 2007. Т. 5: П–С.
- Святая Русь. Большая энциклопедия Русского народа. Русская литература / гл. ред., сост. О. А. Платонов. М., 2004.
- Ткачев П. Н. Мужик в салонах русской беллетристики // Ткачев П. Н. Люди будущего и герои мещанства. М., 1986. С.
- Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М., 1928–1958.
- Фесенко Ю. П. Проза В. И. Даля. Творческая эволюция. Луганск; СПб., 1999.
- Энгельгардт Н. История русской литературы XIX столетия. Т. 2. 1850–1900. СПб., 1903.

V. I. DAHL AND A. F. POGOSKIY:
CONVERGENCE POINTS IN CREATIVITY
(*A SKILLED CRAFTSMAN WILL NOT GET LOST ANYWHERE
AND DAUGHTER OF THE MAJOR*)

O. ROSTOV

Abstract: In texts of “great” literature and fiction of the post-reform period, the commoner — peasant, workman, soldier — became the main character. Accordingly, critics raised a question about sufficiency of their literary reflection, about the educational role and addressee of these texts. In this regard, there arose new problems associated with the notions of “folk literature”, “literature about the people and for the people”, as well as the notions of “soldier’s writers”, “soldier’s literature”, and “war book”. V. I. Dal and A. F. Pogossky also looked for techniques and methods of the reasonable portrayal of a commoner, tried to find “approaches” to his soul, heart, and mind. Both of them, in one way or another, identified themselves and their work with those people, including the military, who they described and for whom they designed their books. They claimed that they were able to see the world through the eyes of a commoner, to speak in his language, to “feel at home” in soldiers’ environment. Besides, contemporaries saw an almost direct link between Dahl and Pogossky, the latter being called the “military Dahl”. The article reveals the elements of similarity and difference in the stories of the “two Dahls” about soldiers who obtained the skill of reading and writing. It is shown that the difference in the fates of these characters is determined not only by “pure accident”, but also by the context of “before and now”, as well as the dissimilarity of the educational priorities of Dahl and Pogossky in terms of advantages and disadvantages of literacy for the commoner.

Key words: Dahl, Pogossky as “military Dahl”, literacy, reading and writing skills, craftsmanship, “before and now”, “firmly literate” soldier, knowledge of the people, texts about everyday life of the people, genre characteristics

References

- Batulina A. (2007) “Predstavleniie tsennostnoi kartiny mira russkogo naroda v poslovitsakh, pogovorkakh i poslovichno-pogovorochnykh vyrazheniiakh” [Representation of the value-related world outlook of the Russian people in proverbs, sayings, and fixed expressions], *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 44, pp. 59–61 (in Russian).
- Bazanov V. (1973) *Ot fol'klora k narodnoi knige* [From folklore to the folk book]. Leningrad (in Russian).
- Berezovskaia V. (1975) “Traditsii L. Tolstogo v proizvedeniiakh vtoroi poloviny XIX v. o Krymskoi voine” [Traditions of L. Tolstoy in texts of the 2nd half of the 19th century about the Crimean War], in *Tolstovskii sbornik*, vol. 5. Tula, pp. 150–160 (in Russian).
- Fesenko Iu. (1999) *Proza V. I. Dalia. Tvorcheskaiia evoliutsiia* [Prose by V. I. Dahl. Creative evolution]. Lugansk; St. Petersburg (in Russian).
- Grechanovskaia A., Krutykh I. (2014) “Zhiteiskaia psikhologiya: russkii mentalitet v poslovitsakh” [Common-sense psychology: Russian mentality in proverbs]. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniia*, vol. 6-1, pp. 37–38 (in Russian).
- Iugan N., Tarasov K. (eds) (2012) *V. I. Dal': Biografiia i tvorcheskoe nasledie* [V. I. Dahl: Biography and literary heritage]. Moscow (in Russian).
- Lapunov S. (2016) “Zhanrovoe svoeobrazie voennoi prozy A. F. Pogosskogo” [Distinctive features of A. F. Pogosskiy's military prose], in *Nauka — obrazovaniiu, proizvodstvu, ekonomike: materialy konferentsii*, vol. 1. Vitebsk, pp. 133–134 (in Russian).
- Lapunov S. (2018) “Obraz soldata v voennoi proze A. F. Pogosskogo” [The image of a soldier in the military prose of A. F. Pogosskiy], in *Nauka — obrazovaniiu, proizvodstvu, ekonomike: materialy konferentsii*, vol. 1. Vitebsk, pp. 171–172 (in Russian).
- Liutov S. (ed.) (2007) *Antologiya istorii russkoi voennoi knigi* [Anthology of the history of the Russian military book]. Novosibirsk (in Russian).
- Makeev M. (2013) “Literatura dlia naroda: protektsiia protiv spekulatsii (k istorii nekrasovskikh ‘krasnykh knizhek’)” [Literature for the people: protection against speculation (on the history of Nekrasov's “red books”)]. *Novoie literaturnoe obozrenie*, vol. 6 (124) (in Russian).
- Neliubova N., Hiltbrunner V., Ershov V. (2019) “Otrazheniie ierarkhii tsennosti v poslovichnom fonde russkogo i frantsuzskogo iazykov” [Reflection of the hierarchy of values in the proverbial fund of the Russian and French languages]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika*, vol. 23, no. 1, pp. 223–243 (in Russian).
- Nikolaiev P. (ed.) (2007) *Russkii pisateli. 1800–1917* [Russian writers. 1800–1917]. Moscow (in Russian).
- Rostov O., Tamaiev P. (2020) “Poslovitsa ne na veter molvitsia: narodnyi rasskaz V. I. Dalia “Masterovoi chelovek nigde ne propadet” v zerkale russkikh paremii i “Tolkovogo slovaria zhivogo velikorusskogo iazyka” [“A proverb is not uttered to the wind: folk story by V. I. Dahl “A skilled craftsman will not get lost anywhere” in the mirror of Russian proverbs and the Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language]. *Teoreticheskaiia i prikladnaia lingvistika*, vol. 6, no. 3, pp. 128–141 (in Russian).
- Tkachev P. (1986) “Muzhik v salonakh russkoi belletristiki” [The churl in the salons of Russian fiction], in P. Tkachev. *Liudi budushchego i geroi meshchanstva* [People of the future and heroes of the bourgeoisie]. Moscow (in Russian).
- Vdovin A. (2016) “Nevedomyi mir”: russkaia i ievropeiskaia estetika i problema reprezentatsii krest'ian v literature serediny XIX veka” [“Unknown world”: Russian and European aesthetics and the problem of representing rural people in the literature of the mid-19th century], in *Novoie literaturnoe obozrenie*, vol. 5 (141), pp. 287–315 (in Russian).